

ЖИВЫЕ СТРАНИЦЫ

Говорить и писать о проделанной работе — для практиков театра режиссеров и актеров — обычно задача трудная и неблагодарная.

Для того, чтобы рассказать подробно о работе над спектаклем «Мать», — нам понадобилось бы раскрыть перед читателем творческие дневники режиссера, познакомиться с огромным количеством материалов и документов — воспоминаний, рассказов, донесений, актов, телеграмм, портретов, фотографий, рисунков и т. д., рассказать о встречах и беседах с живыми людьми — участниками и свидетелями событий.

От изучения документов и материалов о сормовском рабочем движении мы обратились к живым людям и, в первую очередь, к Анне Кирилловне Заломовой.

Все без исключения беседовавшие с Анной Кирилловной отмечают ее огромное обаяние, — необычайную способность располагать к себе человека, замечательный, ласковый юмор и еле-уловимое лукавство, с которым рассказывает Анна Кирилловна о том,

С. В. ВИНОГРАДОВ — художественный руководи- тель театра КСПС

с каждым спектаклем Ниловна становится теплее, ближе, роднее зрителю.

— Про листочки-то ловко я ему сказала? — говорит она после свидания с сыном в тюрьме. — И насколько голосов в зале подтверждает:

— Ловко! Ловко!

— Понял он?

— Понял, понял! — успокаивает Ниловну зрительный зал.

Труднее обстояло дело с Павлом Власовым. К большому сожалению мы не смогли побывать в Судже у Петра Андреевича Заломова.

В нашем распоряжении имелись лишь отрывки из воспоминаний П. А. Заломова, его речь на суде, портреты, воспоминания и рассказы о нем его товарищей по подпольной работе в Сормове. И П. А. Урыков и другие участники Сормовского подполья отмечали в своих рассказах некоторую внешнюю суровость Петра Андреевича в молодости. Некоторая суровость, сдержанность являются и отличительными чертами и у Павла Власова.

Мы с самого же начала отказались от мысли давать портретное сходство горьковских героев с действительными участниками событий. По нашей мысли горьковские образы должны были получить широкий, обобщающий характер.

Вот почему материалами для творческой работы актера, кроме биографии и воспоминаний П. А. Заломова, послужили еще воспоминания рабочих-революционеров.

Из горьковской повести, из воспоминаний революционеров-рабочих вырастает и образ Андрея Находки — его спокойная, твердая выдержка, живой ум, замечательное умение разбираться в людях и положениях, находить пути к сердцу человека, протягивать нити к массе — все эти качества большевика-организатора сочетаются с большой лиричностью, мягкостью и своеобразным, подкупающим юмором.

...Мы бы погрешили против истины, если бы сказали, что ограничились только добросовестным изучением писем, воспоминаний и других документов эпохи. Нет, очень часто в процессе работы тот или иной факт, документ подсказывал нам разрешение отдельной сцены, давал новые, яркие краски для исполнителей.

Приведу пример Сцена, когда на фабрике появляются принесенные матерью листочки на репетиции, шла очень серо и скучно, — не хватало в ней какого-то задора...

Рассказываю участникам сцены о сормовской маевке в 1904 году. Маевка 1904 года была проведена на лодках, на широко разлившейся в ту весну Волге.

Полиция и десятка два конных стражников металась по берегу с палками и с нагайками, но были не в силах остановить своеобразную демонстрацию. Публика, усыпавшая железнодорожную насыпь, весело гоготала над оставшейся «с носом» полицией.

Рассказ «доходит» до исполнителей. Повторяем сцену — и в глазах у молодого Василия Гусева (Ю. Фомичев) заветился задор, улыбаются и Букин (Добряков) — сцена с листовками оживает...

Рассказываю другой факт. Бомба Каляева разорвала великого князя Сергея. Место, где великий князь — «в первый раз в жизни раскинул мозгами», оцеплено полицией и жандармами. Какая-то старуха тщето пытается узнать, в чем дело:

— Кого убили-то, батюшка?

— Кого надо, того и убили...

Проходи, проходи, старая... свирепло отвечает ей озабоченный городской...

Играя в лицах эту сцену, исполнители смеются. Вавилов нашел верные интонации для своей реплики... Идем дальше...

Самыми строгими судьями спектакля мы считали сормовичей — участников первомайской демонстрации 1902 года, участников революции 1905 года. Их прихода, их оценки и замечаний мы ждали с большой тревогой: они должны

Режиссер-постановщик
С. В. ВИНОГРАДОВ.

как везла она в ведре под капустой листовки в Сормово:

— Всякая есть капуста в Сормове, а вот такой, какая у меня, еще не бывало... — И живой молодой глаз хитро щурится, лукаво смеется... Перед нами, как живая, встает горьковская Ниловна с обедами во дворе фабрики:

— «Ши, лапша, пироги горячие, похлебка, каша...».

После встречи с Анной Кирилловной, мы записали всю беседу с ней, а затем я предложил Е. Ф. Котович «сыграть» мне Анну Кирилловну. Сделали несколько этюдов. Так были найдены новые, свежие краски для матери: ласковый юмор, добродушное лукавство, обильная теплота и человечность.

На портрете А. К. Заломовой, относящемся к 1900 г., мы нашли черную кружевную косынку. В ней мать идет на демонстрацию. — она принарядилась: — «Надо хоть перед смертью-то рядом с правдой погулять»...

Работу над образом Ниловны, конечно, нельзя считать законченной. Пришедший на спектакль зритель вдохнул в этот образ новую жизнь, заставил зазвучать полнее и ярче многие сцены и реплики.

Почти все мы чувствуем, как

ПЕЛАГЕЯ НИЛОВНА — артистка
КОТОВИЧ.

были сказать нам, верно ли мы делаем нашу работу, не фальшивим ли мы?

И вот в зале — на репетиции — П. А. Урыков, И. В. Гугунов, Л. М. Березин, И. И. Ануфриев, В. Г. Иванов...

Товарищи внимательно следят за нашей работой: Весовщиков забыл опустить занавеску на окне перед чтением подпольной литературы — сейчас же делается замечание. Говорят о неточностях в костюмах, в обстановке двора. Все замеченное ими немедленно исправляется.

Почти каждая сцена пьесы будит новые воспоминания старых большевиков. Мы внимательно слушаем их, волнуемся вместе с ними...

...Андрей Находку выпустили из тюрьмы, он вышел из калитки, дышет полной грудью и точно не верит своему счастью.

В. Г. Иванов оборачивается ко мне и шепчет: — Хорошо! Верно! Я за такой стеной 11 лет просидел, так когда выпустили, точно также не верил своему счастью...

И по его влажным горящим глазам мы начинаем понимать, что самый трудный и страшный экзамен, кажется, выдержан...